http://www.uchzap.com ISSN 2658-7114 ISSN 2542-0070 (Online)

УДК 930.2:373.1
DOI: 10.21209/2658-7114-2020-15-5-79-86

Елизавета Николаевна Палхаева[1],
доктор исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: palelizaveta@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-2919-2021

Наталья Евгеньевна Жукова[2],
кандидат исторических наук,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: nataliiiuk@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5652-1636

Татьяна Вадимовна Паликова[3],
доктор исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: tatianap25@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-2299-0343

«Школьная» повседневность начала XX века: по материалам дневников М. Н. Хангалова[4]

Актуальность предпринятого исследования определяется масштабом личности М. Н. Хангалова, непреходящей значимостью для бурятского народа талантливого учёного, наследие которого огромно и до сих пор не изучено до конца. Безусловный научный интерес вызывают дневники Матвея Николаевича начала XX в., которые позволяют судить и о его педагогической деятельности, ставшей для учёного-этнографа не только основным заработком, но и проявлением заботы о бурятском народе. Задавшись целью частичного анализа школьной повседневной жизни Бильчирского уезда Иркутской губернии, представленной в дневниковых записях, следует обратить внимание на важность демонстрации в них исторических процессов через призму личного восприятия участника событий, на необходимость использования кросс-культурного метода и методов исследования мемуаристики, в частности логического и текстологического анализа с чётким следованием общеисторическим принципам. Ведя ежедневные записи, М. Н. Хангалов особое внимание уделял отдельным проблемам учебного процесса, главной из которых, по его мнению, являлась проблема педагогических кадров – преобладание в школе русских учителей, не знающих языка, недобросовестность некоторых из них в исполнении своих должностных обязанностей, физических наказаниях детей, недостатке учебных помещений, вследствие роста количества учащихся, что свидетельствовало о понимании необходимости образования и возрастающем доверии к школам, также увеличение педагогического состава за счёт учителей-бурят. Будучи директором училища, М. Н. Хангалов фиксировал сложность условий школьного дела в национальном регионе, его материальную и организационную нестабильность, поскольку школы содержались на средства степных дум, а русские учителя не были заинтересованы в приходе в бурятские школы, а также свои колебания в принятии решений, когда приходилось руководствоваться морально-этическими соображениями. В целом можно констатировать, что изучаемые дневники представляют собой важный документ эпохи, который существенно дополняет, расширяет и уточняет материалы опубликованного наследия и свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данного эго-источника.

Ключевые слова: история повседневности, школьное обучение, телесные наказания, опоздания, учебные помещения, эго-документы, Матвей Николаевич Хангалов

[1] Е. Н. Палхаева – основной автор, осуществляла организацию исследования, формулирование выводов и обобщение итогов реализации коллективной работы.

[2] Н. Е. Жукова осуществляла работу с архивными документами, их анализ, подготовку и оформление статьи.

[3] Т. В. Паликова осуществляла работу с архивными документами, их анализ, подготовку и оформление статьи.

[4] Исследование выполнено в рамках гранта Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова «Исследовательская обработка материалов этнографического характера: дневники М. Н. Хангалова как источник по истории Бурятии начала XX в.».

© Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е., Паликова Т. В., 2020

Введение. Матвей Николаевич Хангалов – известный учёный-этнограф, оставивший огромный пласт исследований, которые не раз публиковались и переиздавались и, тем не менее, на сегодняшний день имеются ещё материалы, которые ждут своего специалиста. В ходе исследования постараемся изучить дневники М. Н. Хангалова, написанные по результатам проведённых экспедиций в Иркутской губернии, часть записей которых характеризуют школьную повседневность Бильчирского училища. Известно, что часть дневников была безвозвратно утеряна, но то, что имеется в музейных коллекциях, доступно для исследователей. Несмотря на имеющуюся историографию [1–9; 11–16], дневники М. Н. Хангалова, находящиеся в Музее истории Бурятии, носящем имя учёного, всё ещё не введены в научный оборот, и данная статья одна из попыток изучения этого наследия.

Методология и методы исследования. В основе исследования лежит анализ неопубликованных эго-документов, или источников личного происхождения. Значимость дневниковых записей заключена в их источниковедческой уникальности, позволяющей рассматривать исторические события сквозь призму личностного отношения, идеалов и ценностей конкретной эпохи. Сделанные ежедневные записи передают настроение автора, обращают внимание на «несущественные» детали, позволяют точнее охарактеризовать исследуемое время. Помимо общеисторических принципов, позволивших объективно отразить такое быстротечное и почти неуловимое явление, как повседневность, авторы использовали методы, применяемые к изучению мемуарных источников, историко-культурный (А. Г. Тартаковский) и метод логического, текстологического и сравнительного анализа (А. А. Курносов).

Результаты исследования. Большое место в жизни знаменитого этнографа Матвея Николаевича Хангалова занимала не только научная, но и педагогическая деятельность, которая стала для учёного практически основным заработком. После некоторого перерыва М. Н. Хангалов возвращается к учительству и становится заведующим Бильчирского училища в Иркутской губернии в 1902–1918 гг. Он максимально внимательно и трепетно относился и к учителям, и к ученикам, что зафиксировано в дневниках учёного и является проявлением любви и заботы о бурятском народе.

В 2004 г. был переиздан трёхтомник работ М. Н. Хангалова под редакцией Г. Н. Румянцева, где учёный даёт характеристику народному образованию, которое, по его мнению, становится «нужнее и обращает на себя всеобщее внимание населения». Также М. Н. Хангалов высказывает мнение, что общество, ранее относящееся к образованию равнодушно и враждебно, к началу XX в. изменило своё мнение и «…народные училища действительно становятся первоначальным рассадником народного образования, доступного каждому русскому и буряту. В последнее время наблюдается очень отрадное явление: многие буряты, по мере возможности, стараются как-нибудь научить русской грамоте своего любимого сына и тем самым дать ему первоначальное образование»[1].

Своё отношение к народному образованию и к его повседневным реалиям Матвей Николаевич выразил в том числе и в своих дневниках. Дневники написаны в тетрадях в клетку, некоторые из них имеют твёрдый переплёт, что доказывает серьёзное отношение автора к сохранности текстов. При рукописном написании на русском языке использовались чернила. Дневники находятся в удовлетворительном состоянии, имеются потёртости на обложках, листы документов пожелтели, в некоторых местах чернила стёрлись[2].

Матвей Николаевич, характеризуя в своих дневниках разнообразные стороны жизни, большое внимание уделяет описанию повседневного учебного процесса. Регулярно осмысливая школьную жизнь Бильчирского училища, Матвей Николаевич обращает внимание на проблему опозданий педагогов. Так, например, Хангалов пишет, что опоздания «это обыкновенная и хроническая болезнь наших учителей и отца Никанора, которые такие поступки не считают особенным грехом, а считают обычной вещью и оправдываются, что если опоздают минут на 15 или 20 не большая беда»[3]. Оче-

[1] Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. – Т. 2. – С. 262.

[2] Там же. – С. 16.

[3] МИБ. – ОФ-4137. Дневник № 12, 3-я часть за 1910–1911 гг. М. Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910–1911 гг. – Л. 255.

видно, что проблема опозданий для Хангалова заключалась не столько в самом их факте, сколько в отношении к ним учителей, считающих опоздания «обычной вещью». Любопытно, что далее автор рассматривает для себя возможность сказать о регулярных опозданиях инспектору народных училищ, но решает, что «это не хорошо» и настраивать против себя коллектив «не ладно»[1].

М. Н. Хангалов в своих дневниковых записях поднял вопрос о применении к детям физических наказаний и грубого обращения с учениками. Следует отметить, что использование телесных наказаний, естественно, не было характерно только для бурятской школы, а являлось непременным атрибутом дореволюционной системы образования. В той же дневниковой записи М. Н. Хангалов пишет о проблеме «грубых» учителей Балаганского уезда, например, об учителе Шоболдо, который «отличался особенными скандалами. У учителя Шоболдо в начале учебного года было более 30 учащихся, а теперь [они] разбежались, потому что Шоболдо грубо обращается с детьми, которых бьет»[2].

Интересно, что, обсуждая проблему внутри педагогического коллектива, коллеги Хангалова «ни к чему не пришли». Причины, по которым педагогическая общественность вынуждена «мириться с этими драчунами» и с подобным положением дел, учёный видит в отсутствии «подготовленных учителей». Высоко характеризует самого автора дневников описанная им последующая рефлексия: «Я вечером долго думал обо всех учителях и ни чего не придумал, что делать, смотреть хладнокровно нельзя и недопустимо. Что делать! Бог поможет и дело наладим»[3].

Для Хангалова проблема телесных наказаний учащихся училища была связана с характером межэтнического взаимодействия. Учёный писал, что «хорошие русские учителя не идут в бурятские училища, потому что наше общество скучно и кроме того трудно занимается с бурятскими детьми». Дети, поступающие в училище, не умеют «говорить по-русски, русский учитель не знает по-бурятски», а иметь переводчика для общения со своим учеником бурятом «очень неудобно и невозможно». Хангалов полагал, что языковой барьер «это самое трудное не преодолимое препятствие» и «трудно определить», когда учащиеся буряты научатся понимать русский[4].

Далее Матвей Николаевич пишет, что «наше педагогическое начальство на это смотрит сквозь пальцы», имея сведения о том, что «русские учителя бьют детей-бурят». При таком «не нормальном положении очень трудно ждать хороших результатов от начальных народных училищ», как справедливо считал Хангалов. Выход из сложившегося положения Хангалов видел в подготовке учителей из бурят: «бурятам единственное спасение как можно по скорее приготовить учителей-бурят для своих училищ; а всех не подготовленных русских учителей изымать из бурятских училищ», потому что «грубый и не подготовленный учитель бьет их до крови». Хорошо подготовленные учителя-буряты «будут стараться делу просвещения своего родного народа», – заключал учёный-педагог[5]. Безусловно, М. Н. Хангалов отметил некоторые сложившиеся нюансы межэтнического взаимодействия, в то же время стремился к объективности, говоря о неподготовленности русских учителей, работающих в Бильчирском училище и окрестных улусах.

Демографический рост первого десятилетия XX в., а также возросшая потребность населения в образовании поставили перед Бильчирским училищем проблему нехватки учителей и учебных помещений. В начале 1911–1912 учебного года «педагогический совет Бильчирского Николаевского 2-х классного училища под председательством заведующего училищем М. Н. Хангалова и в присутствии членов: законоучителя миссионера священника о. [отца] Н. Милетинскаго, учителя В. Зареченкова и почетнаго блюстителя Т. Х. Шаршева» составил три протокола-прошения на имя Инспектора Народных училищ 4-го участка Иркутской губернии Бибикова. В первом протоколе педагогический совет закрепляет решение о перемене помещений между вторым и третьим классами, объясняя это тем, что «во втором классе число учащихся определяется в 49 человек: поместить в классе можно… с трудом 30 человек»[6].

[1] МИБ. – ОФ-4137. Дневник № 12, 3-я часть за 1910–1911 гг. М. Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910–1911 гг. – Л. 255.

[2] Там же.

[3] Там же. – Л. 257.

[4] Там же. – Л. 246.

[5] Там же. – Л. 247.

[6] Там же. – Л. 320.

Второй протокол педагогического совета предлагал следующее решение проблемы «наплыва учащихся». Выход «из этого затруднительного положения только при следующих условиях: во второй класс назначить помощника и класс сделать в квартире заведующего училищем М. Н. Хангалова. Для заведующего училищем, равно как и для помощника, нанять квартиру. При таком распределении классных помещений можно согласиться удовлетворить родителей учащихся в приеме их детей в училище»[1]. Педагогический совет Бильчирского училища просил Инспектора выйти с ходатайством о назначении нового учителя, в противном случае решить вопрос о том, «отказывать ли в приеме лишних учеников или таковых оставить до назначения помощника»[2].

Третий протокол Педагогического совета Бильчирского училища содержал сведения о дополнительной выписке учебников, которых не хватило училищу вследствие большого поступления учащихся. Вот перечень выписываемых учебников:

1. Протопопов Д. И. Молитвенник. 15 книг по 12 коп.

2. Афинский П. И. Наставление в Законе Божием. 23 книги по 45 коп.

3. Вахтеров В. П. Мир в рассказах для детей. Кн. 3–4. 22 книги по 85 коп.

4. Буренин К. П., Малинин А. Ф. Арифметика. 32 книги по 75 коп.

5. Малинин А. Ф. Собрание арифметических задач. 30 книги по 75 коп.

6. Рождественский С. В. Русская история. 10 книг по 30 коп.

7. Пуцыкович О. О. География. 25 книги по 50 коп.

8. Давыдов А. Ю. Краткий курс геометрии. 25 книги по 35 коп.

9. Виноградов И. С. Грамматика с письменными работами. 20 книг по 25 коп., в общей сложности на 106 р. 06 коп.[3]

Педагогический совет училища постановил: «просить Г. Инспектора Народных Училищ сделать распоряжение о высылке означенных учебников, так как с увеличением числа учащихся не хватает учебников, и при выписке на 1911–12 уч. год совет не имел в виду наблюдающегося в настоящее время наплыва учащихся»[4].

Следовательно, демографический рост и возросшая потребность населения в получении образования обусловили необходимость расширения учебных помещений и увеличение педагогического состава. Для самостоятельного решения большинства названных проблем у училища не было достаточных ресурсов, а у М. Н. Хангалова – полномочий, что заставило педагогический коллектив обращаться с просьбами к Инспектору народных училищ Иркутской губернии.

Как следует из дальнейших дневниковых записей Матвея Николаевича, в училище через некоторое время был проведён обмен помещениями. Учитель «Зареченков со своими учащимися поселился в помещении 2го и 3го отделений; помещение оказалось малым; некоторых учащихся приходилось сажать на двухместных партах по три, что не очень удобно, [в] особенности во время письменных работ…». Зареченков был очень недоволен выделенным помещением, и Хангалов «…едва уговорил и успокоил его, ни кому не отказывать в приеме во 2м классе и всех принять согласно протоколу и уступил ему свой светлый класс, в котором он со своими учащимися поместился удобно и был очень доволен…»[5].

Сам Хангалов перешёл в помещение второго класса, «некоторых учащихся пришлось посадить по три – на двухместных партах», но «некоторым малышам младшего отделения поступившим в первый раз пришлось отказать в приеме». Ученый считал, что дети, не поступившие в этом году, ничего не теряют, «потому что 8 и 9 летние бурятские дети иногда бывают очень не развитые, с ними заниматься очень трудно, [в] особенности на русском языке, на котором они ни чего не понимают»[6].

Решение вопроса об открытии параллельного класса училища имело определённые процессуальные сложности, которые для Матвея Николаевича не стали неожиданностью. В ответ на ходатайство об открытии учебного помещения в квартире Хангалова, инспектор народных училищ Бибиков пишет, что таковое должно исходить

[1] МИБ. – ОФ-4137. Дневник № 12, 3-я часть за 1910–1911 гг. М. Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910–1911 гг. – Л. 255.– Л. 255.

[2] Там же.

[3] Там же. – Л. 324.

[4] Там же. – Л. 325.

[5] Там же. – Л. 326.

[6] Там же. – Л. 327.

от Бильчирской инородной управы, которая обязана «до постройки специального здания предоставить помещение под параллельный класс и квартиру учителя с ремонтом этого помещения с отоплением и освещением и сторожем и сверх этого тридцать (30 р.) рублей на соблюдение чистоты…»[1]. Далее речь шла о прилагаемой форме (она не приведена в дневнике) и ведомости, которая содержала сведения о количестве обучающихся и непринятых к обучению детей. До представления общественного приговора в училище должно быть принято «такое число, которое допускает помещение, при соблюдении необходимых педагогических и гигиенических правил»[2].

Судя по следующим дневниковым записям М. Н. Хангалова, педагогический совет Бильчирского училища составил необходимую ведомость о количестве обучающихся и непринятых детей, а также попросил Бильчирскую инородную управу рассмотреть на ближайшем суглане вопрос об открытии нового класса. Имеющееся в распоряжении записи дневника не освящают решение суглана, но Матвей Николаевич был уверен, что «общество составит приговор о назначении четвертаго учителя, потому что многие более понимающие буряты мне дали обещание поддержать и провести этот важный вопрос»[3].

В 1911–1912 учебном году в штате Бильчирского училища числилось всего три учителя, включая самого М. Н. Хангалова. В связи с болезнью, а затем и смертью учителя Ивана Николаевича Хазагаева, некоторое время в училище работало два учителя. Вот что пишет М. Н. Хангалов в эти дни: «…тяжело двоим работать, скоро ли придет третий учитель; хоть бы начать правильныя занятия, которых правильно вести нет возможности в двух разных классах. Когда приедет отец Никанор занятия идут правильно, как не приедет, то бегаешь от одного класса в другой класс. С утра до вечера занимаешься в классе, а вечером проверяешь тетради…»[4].

Через непродолжительное время в Бильчирском училище появился «совсем молоденький» учитель М. И. Григорьев, который «принял своих учащихся и начал заниматься. С моих плеч свалился камень, и теперь будем заниматься правильно», – писал М. Н. Хангалов[5].

Заключение. Дневник бурятского этнографа Матвея Николаевича Хангалова является ценным историческим источником и содержит не только сведения этнографического характера, но и описание повседневного процесса обучения в Бильчирском училище Иркутской губернии. В своих дневниках Хангалов поднял ряд проблем обучения. Так, например, называя как важную проблему дисциплины учителей, Хангалов не сумел предложить её решения, кроме морального осуждения. Негативно высказываясь о практике применения телесных наказаний к детям, он видел её причины в нарушении межкультурного взаимодействия, в нехватке учителей-бурят, в жестоком отношении к бурятским детям русских учителей. Демографический рост и интерес населения к образованию поставили перед коллективом училища и лично перед М. Н. Хангаловым проблему материально-технического расширения и увеличения коллектива училища. Решая эти задачи, ему пришлось обращаться как в органы государственной власти, так и к структурам общинного самоуправления, что демонстрировало некую значимость последних. Характер описания перечисленных проблем показывает огромную личную заинтересованность М. Н. Хангалова в деле налаживания эффективного обучения детей.

Список литературы

1. Арсеньева Л. Г. Изучение этнографии бурят в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества (ВСОРГО) в 1850–1920-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Педагогика. Филология. Философия». 2013. № 7. С. 150–152.

2. Дамбуева И. А. Творческое наследие М. Н. Хангалова в архивных фондах гг. Иркутска и Улан-Удэ // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1. С. 190–194.

[1] МИБ. – ОФ-4137. Дневник № 12, 3-я часть за 1910–1911 гг. М. Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910–1911 гг. – Л. 255. – Л. 333.

[2] Там же. – Л. 334.

[3] Там же. – Л. 337.

[4] Там же. – Л. 331.

[5] Там же. – Л. 340.

3. Жукова Н. Е., Ангархаев Б. Б. Научное наследие Матвея Николаевича Хангалова в трудах учёных Байкальского региона // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2020. Вып. 1. С. 43–50.

4. Залкинд Е. М. Памяти М. Н. Хангалова // Этнографический сборник / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Ин-т обществ. наук. Улан-Удэ, 1969. Вып. 5. С. 180–199.

5. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л. М. Дамешек. М.: Прогресс: Культура, 1995. 542 с.

6. Кудрявцев Ф. А., Залкинд Е. М. М. Н. Хангалов // Записки Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института культуры и экономики. 1940. Вып. 7. С. 143–146.

7. Маласханова И. А. Научное сотрудничество М. Н. Хангалова с деятелями ВСОРГО // Гуманитарный вектор. 2012. № 2. С. 148–155.

8. Маласханова И. А. Вклад М. Н. Хангалова в развитие этнографического отдела Иркутского областного краеведческого музея // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 1. С. 137–140.

9. Палхаева Е. Н., Ангархаев Б. Б. Музейная коллекция предметов М. Н. Хангалова национального музея Республики Бурятия как исторический источник // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2019. № 3. С. 12–18.

10. Сабеан Д. Размышления о микроистории. Текст: электронный // Transnationale Geschichte: Themen, Tendenzen, Theorien. Калифорнийский университет. URL: https://escholarship.org/uc/item/ 9ch 0z6c7 (дата обращения: 18.09.2020).

11. Смолякова Л. А. История изучения Бурятского шаманизма // Colloquium heptaplomeres. 2017. № 4. С. 82–89.

12. Тулохонов М. М. Н. Хангалов (1858–1918) // Российские монголоведы (XVIII – начало XX вв.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 96–99.

13. Хамаганов М. П. М. Н. Хангалов как этнограф-фольклорист Советская этнография / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1959. Вып. 5. С. 98–108.

14. Хороших П. М. Н. Хангалов // Этнографический бюллетень. 1923. Вып. 3. С. 1–5.

15. Чернявская О. А. История комплектования этнографической коллекции Иркутского областного краеведческого музея // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 8. С. 316–320.

16. Шерхунаев Р. А. Выдающийся деятель бурятской культуры (М. Н. Хангалов) // У истоков мудрости народной / Бурят. культур. центр Иркут. области, Усть-Ордын. округ. ин-т повышения квалификации работников образования. Иркутск, 1994. С. 12–32.

Статья поступила в редакцию 10.09.2020; принята к публикации 12.10.2020

Библиографическое описание статьи

Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е., Паликова Т. В. «Школьная» повседневность начала XX века: по материалам дневников М. Н. Хангалова // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15, № 5. С. 79–86. DOI: 10.21209/2658-7114-2020-15-5-79-86.

***Elizaveta N. Palkhaeva*[1],**
Doctor of History, Associate Professor,
D. Banzarov Buryat State University
(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: palelizaveta@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-2919-2021

***Nataliy E. Zhukova*[2],**
Candidate of History,
D. Banzarov Buryat State University
(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: nataliiiuk@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5652-1636

***Tatiana V. Palikova*[3],**
Doctor of History, Associate Professor,
D. Banzarov Buryat State University
(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: tatianap25@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-2299-0343

«School» Everyday Life of the Early Twentieth Century: Based on the Materials of M. N. Khangalov's Diaries[4]

The relevance of the research is determined by the enduring significance of a talented scientist M. N. Khangalov for the Buryat people, whose legacy is huge and still not fully studied. The diaries of Matvey Nikolaevich of the beginning of the XX century are of great scientific interest. The diaries also allow to judge his pedagogical activity, which has become for the scientist-ethnographer not only the main income, but also the manifestation of concern for the Buryat people. For a partial analysis of school daily life of Irkutsk governorate Bilchir district presented in diary entries, attention should be paid to the importance of the demonstration historical processes through the prism of personal perception and the need of using cross-cultural methods and methods of research of memoirs, in particular logical and textual analysis with a clear adherence to general historical principles. M. N. Khangalov in his diaries devoted special attention to certain problems of the educational process, the main of which was the problem of pedagogical staff such as the predominance of Russian teachers in the school who do not know the Buryat language and some of them do not perform their duties in good faith. The physical punishment of children and the need to expand classrooms because of the number pupils' growth also reflected an awareness of the need for education and the growing confidence in schools, as well as an increase in Buryat teaching staff. As Director of the school, M. N. Khangalov recorded the complexity of school conditions in the national region, its material and organizational instability because of schools were kept at the expense of Steppe Duma and Russian teachers were not interested in coming to Buryat schools, as well as their hesitation in making decisions with moral and ethical considerations. In General, the diaries under study are an important document, which significantly complements, expands and clarifies the published heritage, and points to the need for further study of this ego source.

Keywords: the history of everyday life, school education, corporal punishment, tardiness, educational facilities, ego-documents, Matvey Nikolaevich Khangalov

References

1. Arsenyeva, L. G. Study of Buryat Ethnography in the East Siberian Department of the Russian geographical society in the 1850s – 1920s. Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy, no. 7, pp. 150–152, 2013. (In Rus.)

2. Dambueva, I. A. The Creative heritage of M. N. Khangalov in the archival collections of Irkutsk and Ulan-Ude. Bulletin of the Irkutsk State Technical University, no. 1, pp. 190–194, 2014. (In Rus.)

[1] E. N. Palkhaeva – main author, the organizer of the research, formulated conclusions and summarized the results of the collective work implementation.

[2] N. E. Zhukova revealed archival documents, carried out their analysis, prepared and designed the article for publication.

[3] T. V. Palikova revealed archival documents, carried out their analysis, prepared and designed the article for publication.

[4] The research was carried out under a grant from Buryat State University named after Dorji Banzarov "Research processing of ethnographic materials: M. N. Khangalov's diaries as a source on the history of Buryatia in the early twentieth century".

3. Zhukova, N. E., Angarkhaev, B. B. Scientific heritage of Matvey Nikolaevich Khangalov in the works of scientists of the Baikal region. Bulletin of the Buryat State University. Human Studies of Inner Asia, no. 1, pp. 3–50, 2020. (In Rus.)

4. Zalkind, E. M. In memory of M. N. Khangalov. Ethnographic collection. Academy of Sciences of the USSR, Siberian branch, Institute of Social Sciences. Ulan-Ude, no. 5, pp. 180–199,1969. (In Rus.)

5. History of the Buryat Autonomous district Ust-Orda; ed. L. M. Dameshek. Moscow: Progress: Culture, 1995: 542. (In Rus.)

6. Kudryavtsev, F. A., Zalkind, E. M. M. N. Khangalov. Notes of the Buryat-Mongolian State Research Institute of Culture and Economics. Ulan-Ude, no. VII, pp. 143–146,1940. (In Rus.)

7. Malaskhanova, I. A. The Contribution of M. N. Khangalov to the development of the ethnographic Department of the Irkutsk regional Museum. Bulletin of Irkutsk State Technical University, no. 2, pp. 137–140, 2013. (In Rus.)

8. Malaskhanova, I. A. scientific cooperation of M. N. Khangalov with figures of VSORGO. Humanitarian vector, no. 1, pp. 148–155. 2012. (In Rus.)

9. Palkhaeva, E. N., Angarkhaev, B. B. Museum collection items M. N. Khangalov in the National Museum of the Republic of Buryatia as a historical source. Bulletin of BSU. Human Studies of Inner Asia, no. 3, pp. 12–18, 2019. (In Rus.)

10. Smolyakova, L. A. history of studying Buryat shamanism. Colloquium heptaplomeres, no. 4, pp. 82–89, 2017. (In Rus.)

11. Tulokhonov, M. M. N. Khangalov (1858–1918). Russian Mongol studies (XVIII-early XX centuries). Ulan-Ude: Publishing Department of the BNC SB RAS, 1997: 96–99. (In Rus.)

12. Khamaganov, M. P. M. N. Khangalov as an ethnographer-folklorist. Soviet Ethnography. Moscow: Academy of sciences USSR, Institute of Ethnography named after N. N. Miklukho-Maklay, no. 5, pp. 98–108, 1959. (In Rus.)

13. Khoroshykh, P. M. N. Khangalov. Ethnographic Bulletin. East Siberian Department of the Russian geographical society, no. 3, pp. 1–5, 1923. (In Rus.)

14. Chernyavskaya, O. A. History of completing of the ethnographic collection of the Irkutsk regional Museum of local lore. Bulletin of the Irkutsk State Technical University, no. 8, pp. 316–320.2011. (In Rus.)

15. Sherkhunaev, R. A. Outstanding figure of Buryat culture (M. N. Khangalov). At the origins of folk wisdom. Irkutsk: Buryat. cultural center Irkut. region, Ust-Ordyn. a circle. Institute for advanced training of educational workers, 1994: 12–32. (In Rus.)

16. Sabean, D. Reflections on microhistory. In TransnationaleGeschichte: Themen, Tendenzen, Theorien. University of California. Web. 18.09.2020https://escholarship.org/uc/item/9ch0z6c7. (In Engl.)

Received: September 10, 2020; accepted for publication October 12, 2020

Reference to the article

Palkhaeva E. N., Zhukova N. E., Palikova T. V. “School” Everyday Life of the Early Twentieth Century: Based on the Materials of M. N. Khangalov’s Diaries // Scholarly Notes of Transbaikal State University. 2020. Vol. 15, No. 5. PP. 79–86. DOI: 10.21209/2658-7114-2020-15-5-79-86.